

РУССКО-
ИНДИЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В XIX в.

СБОРНИК АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
МОСКВА · 1997

ББК 63.3.(0)52 + 63.3.(0)53
P89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 96-01-16034*

Составители

А.А.ВИГАСИН, В.Г.ВОЛОВНИКОВ, Т.Н.ЗАГОРОДНИКОВА,
М.Т.КОЖЕКИНА, Л.В.МИТРОХИН, А.В.РАЙКОВ, М.Р.РЫЖЕНКОВ,
Н.И.СКВОРЦОВА, Н.К.ЧАРЫЕВА

Редколлегия

А.А.ВИГАСИН, Т.Н.ЗАГОРОДНИКОВА, М.Р.РЫЖЕНКОВ

Ответственный редактор

П.М.Шаститко

Редактор издательства

В.В.Волгина

Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов
и материалов. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН,
1997. — 374 с.

ISBN 5-02-017947-7

Впервые в российской историографии представлены архивные материалы, свидетельствующие о политических, дипломатических, экономических, научных, военных и культурных связях между народами России и Индии. Абсолютное большинство документов публикуется впервые. Материалы сборника снабжены подробным научным комментарием и указателем.

ББК 63.3.(0)52 + 63.3.(0)53

© Институт востоковедения РАН,
1997

© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН,
1997

ISBN 5-02-017947-7

Минаев отрицательно относился к Н.Чаттопадхья, считая его воплощением денационализированных «калькуттских бабу», стремящихся во всем подражать англичанам. Возможно, были и личные мотивы неприязни: И.П.Минаев долгое время работал преимущественно на историко-филологическом факультете, так как кафедра санскрита на Восточном факультете была занята, Н.Чаттопадхья же претендовал на преподавание именно санскрита, не желая довольствоваться новоиндийскими языками.

² «Хинду патриот» — газета, издававшаяся на английском языке в Бенгалии, отражавшая взгляды умеренного крыла национального движения. Основана в 50-х годах XVIII в.

³ «Амрита базар патрика» — газета, издававшаяся с 1868 г. в Калькутте на бенгальском языке. На следующий же день после издания закона 1878 г. о туземной печати, по которому за статьи, критикующие политику правительства, газету, издаваемую на любом индийском языке, имели право закрыть, редакторов штрафовать и заключать в тюрьму, эта газета, причинявшая массу неприятностей своими публикациями англ-индийскому правительству, стала выходить на английском языке. Позднее стала органом Индийского Национального конгресса, сейчас независимая газета.

⁴ Бабу Киртадас (Картадас) Пал — Кристо Дас Пал — редактор газеты «Хинду патриот».

⁵ Имеется в виду «Хинду патриот», см. примеч. 2.

⁶ Вебер Альберт-Фридрих (1825—1901), известный немецкий ориенталист, читавший лекции по санскриту и индийской литературе в Берлинском университете. Автор ряда исследовательских работ и переводов, занимал древность памятников санскритской литературы, считая, что многие из них сложились под влиянием греков.

⁷ Названия периодических изданий на английском и местных языках, выходивших в Индии.

⁸ Коссович Каэтан Андреевич (1815—1883), русский востоковед, в 1836 г. закончил Московский университет со степенью кандидата наук, преподавал греческий язык, в 1849—1883 гг. служил в Императорской публичной библиотеке в должности редактора ученых работ, заведовал восточными книгами и рукописями. Одновременно К.А.Коссович преподавал санскрит в Петербургском университете, занимался переводами с санскрита (*Кришна-Мисра*. Торжество светлой мысли. Драма в 6 актах, пер. К.А.Коссовича. М., 1846 и др.).

⁹ Бычков Афанасий Федорович (1818—1899), историк и археограф, с 1844 г. хранитель отдела рукописей и церковно-славянских старопечатных книг в Императорской публичной библиотеке, с 1854 г. главный редактор по изданию летописей в Археографической комиссии, в 1866 г. избран академиком по отделению русского языка и словесности, с 1868 г. помощник директора Императорской публичной библиотеки, а с 1882 г. — ее директор.

№ 96—100

**1 октября 1879 г. — 9 августа 1888 г.
Документы, связанные с деятельностью
Е.П.Блаватской в Индии**

№ 96

*1 октября 1879 г. — Письмо Е.П.Блаватской¹
Суворину Алексею Сергеевичу², издателю
газеты «Новое время», с предложением
опубликовать ее статью*

Редакция журнала «Теософист»³
Гиргаум, Бомбей, Индия

Бомбей, окт. 1, 1879

Г-ну Издателю «Русского времени»⁴ А.С.Суворину.

Издательница журнала «The Theosophist» свидетельствует свое глубочайшее почтение г.Суворину и надеется, что он извинит бесцеремонность этого пись-

ма — хотя бы ради доброго намерения услужить далекому земляку. Если калькутская газета «Amrita Bazar Patrika» получается в Петербурге, то статью можно бросить в огонь, а если не получается, то, может, она пригодится журналу «Новое время» — журналу, получаемому и весьма уважаемому мною.

«Amrita Bazar Patrika» самая беспокойная и буйная газета в Индии — настоящая заноза в боку Press Commissioner (что-то вроде цензора), она прежде издавалась на бенгальском языке. Но когда ее статьи дошли до maximum'a неприятных англо-индийскому правительству истин, то оно и прибегло, около двух лет тому назад, к знаменитому своему закону, известному под именем Press gag или по-французски «Наморднику прессы»⁵. Закон, как г. Суворину известно, возбудил в Индии страшное негодование, и дело доходило почти до бунта. В то время как по-английски можно было написать про всех и про все, на диалектах страны запрещалось печатать даже имя кого-либо из служащих без должного уважения и саламов*. Закон был выдуман и прошел, положительно имея в виду одну или главным образом неисправимую Amrita. Но последняя оказалась хитрее комиссионеров прессы. В одну ночь они изменили печатные литеры, и газета вышла на другой день от начала до конца по-английски! Комиссия осталась с носом, а «Амрита Базар Патрика» стала отличаться еще более прежнего.

Я бы с удовольствием послала статью «Russia or England»⁶ уже переведенной. Но к стыду своему — хотя и безвинна в этом — замечаю, что совсем забываю родной язык, не говоря по-русски целые годы иногда.

Также покорнейше прошу г. Суворина в случае, если он поместит перевод этой статьи, не упоминать ни моего имени, ни откуда газета получена. «Новое время» знает — по письму «М»⁷ из Лондона, что меня и так уже А.И.** Правительство пожаловало в русскую шпионку; а если узнает, что я посылаю русским газетам выписки из здешних газет, то совсем заедят. Только напрасно корреспондент М — пожаловал меня в своем письме в «ярую спиритку». Совсем я не спиритка и против материализующихся бабушек и усопших тещей восстаю всеми силами. Наше общество (Theosophical Society⁸) воюет против спиритуалистов более четырех лет. Если могу что сделать для г. Суворина в Индии или чем услужить его газете, то прошу его располагать мною. Не увижу я более родной земли своей, поэтому все русское для меня дорого. Американской гражданкой я сделалась не вследствие каких-либо политических взглядов, так как в политике вообще аза в глаза не знаю, — а просто потому, что иначе не могла владеть купленной мною в Нью-Йоркском штате землей и домом.

Извиняясь еще раз за русскую безграмотность свою, остаюсь готовая к услугам

Е. Блаватская

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед.хр. 384, л. 1–2 об. Подлинник.

* От селям (араб.) — приветствие (сост.).

** А.И. — англо-индийское правительство (сост.).

16 февраля 1880 г. — Письмо Е.П. Блаватской,
секретаря Бомбейского отделения Американского
Теософического Общества, профессору И.П. Минаеву
с предложением своих услуг и дара древних
индийских монет

Господину профессору Минаеву.

Господин профессор!

Надеюсь, что Вы извините меня за невольное незнание имени и отчества и за то, что так бесцеремонно обращаюсь к вам, зная, как дорого для вас время⁹. Но узнав причину, вы, быть может, убедитесь, что я действую с единственной целью быть вам полезной в ваших исследованиях. Я, как видите, русская, но страстная буддистка и много лет нахожусь в переписке, как и в отношениях с главными буддистами не только в Цейлоне¹⁰, но и в Бирме и в Тибете.

Как вы, вероятно, слышали, я служу секретарем при Американском Теософическом Обществе. Совершенно уверена, что если вам говорили про нас, то не говорили ничего хорошего, потому что главные два буддиста, или, правильнее, Buddhist scholars, — проф. Wordsworth и Mahadeo Moreshwar Kunta¹¹ наши враги. Первый — право, не знаю почему, вероятнее всего, п[отому] ч[то] трусит начальства, давно принимавшего наше невинное общество за «русских шпионов»; а второй, п[отому] ч[то] сделался членом Теософ[ического] Общ[ества] еще когда мы были в Америке, рассыпался мелким бесом, когда мы сюда приехали, потом сделался Иудой-предателем и был изгнан Главным Советом из Общества и с тех пор ругал нас исподтишка на всех перекрестках. Если я ошибаюсь и они ничего вам не говорили, то прошу у них извинения. Но что-то вероятно. Также вы, вероятно, взираете на нас — т.е. в случае, когда слышали о нас, — как на спиритов; и это несправедливо, потому что мы первые враги спиритизма, за что Александр Николаевич Аксаков¹² сильно ссорится с нами...

Извините за долгие подробности, но они необходимы, хоть бы для вящего уяснения моего дела. Наше общество, соединяющее в себе членов всех национальностей, работает более всего с буддистами в Цейлоне и Бирме. Оно основано почти с единственной целью исследовать Азиатские религии, а главное — буддизм. Поэтому Rev[erend] Sumangala (над которым вы немножко посмеялись в вашей книге¹³), Mohotiswatta Terunanse¹⁴ и человек 20 еще — все члены нашего общества, считают нас своим братством, находятся в постоянной переписке и если имеют какие важные рукописи, то присылают их все нам, либо для журнала нашего Theosophist, либо для изучения. Вот уже год, как они просят нас приехать к ним в Цейлон и ждут — не дождутся нас. Я только на днях отослала Суманголи¹⁵ рукопись, которую, он говорил, англичанам ни за что не покажет, даже не только что отдаст. Да я и очень рада этому. Словом, если вы поживете здесь, то убедитесь, что наше общество может быть вам более нежели полезным.

Ежели желаете знать, почему такая благодать именно вам — отведу откровенно: единственно потому, что вы русский, родной. Я уже давно старуха и прямо говорю поэтому, чем более старею, тем более болит душа по России, которую уже никогда не увижу. Не потому что не могла бы вернуться, а п[отому] ч[то] поклялась не возвращаться и умереть в Индии, где меня и сожгут. Но это мне не мешает быть горячей патриоткой и даже быть готовой положить жизнь за Родину, даже за царя, хоть я его и променяла, сделавшись Американской граждан-

кой. Ненавидя англичан и любя русских, я, конечно, желаю услужить русской, чем их Макс Мюллеровской немецко-английской науке¹⁶. Поэтому и располагайте мною. Вовсе и не нужно вам беспокоиться заходить, разве сами того пожелаете и будет вам время, а просто прикажите и напишите, что могу я для вас сделать, чем могу услужить, и все, что в моей власти будет — готова сделать. Сумангала только что прислал диссертацию на санскритском языке об эзотерическом взгляде буддистов, о душе человеческой и две-три другие рукописи. А также R.Rivett-Carnac из Ghasipur'a¹⁷ прислал мне в «презент» редкие, только что найденные в Барауни старые монеты, семи разных царей — (два of the Andhra Dynasty¹⁸) — царя, что строил пещеры Насика¹⁹, — остальные of the Surya and Mitra Dynasty, Bhumi Mitra и Agni Mitra²⁰ — чрезвычайно редкие. Bhulguni Mitra, Bhumi Mitra, Surya Mitra, Bhudra Ghosa²¹ — не только до сих пор не были никогда найденными, но даже это совершенно новые имена в Каталоге Индийских царей. Эти монеты, если вы только думаете, что мне не откажут, я хочу подарить Петербургскому Музеуму²². У меня нет коллекции, поэтому они мне не нужны, как они ни любопытны. Умру — пропадут.

Вот и все. Повторяю, что мы здесь окружены врагами, я — как русская, а наше общество как из[мен]ников* — буддистов и браманов. Миссионеры нас ненавидят, а правительство, если бы только не боялось (у нас три члена либеральной партии, членами в парламенте в Лондонском Теософическом Обществе — ветвь нашего), то выслало бы из Индии. Но лорд Линзей F.N.S.²³, председатель Кор[олевского] Астроном[ического] Общ[ества] в Лондоне, также член нашего братства, и здесь боятся разоблачений — at home**.

Теперь объяснив все по истине,
Остаюсь готовая к услугам

Е. Блаватская

СПб. филиал Института востоковедения РАН, Архив востоковедов, ф. 39, оп. 2, ед.хр. 1, л. 1—4. Автограф. Документ и примечания к нему представлены М.А.Сидоровым.

№ 98

27 августа 1885 г. — Из письма Блаватской Е.П. Прибыткову В.И.²⁴, издателю журнала «Ребус»²⁵, по поводу заметки о ней, опубликованной в этом журнале

М[илостивый] Г[осударь], в № 30 вашего интересного журнала, на стр. 276, в «Кратких заметках» я нахожу, касательно моего приезда в Европу, следующее: «Известно, насколько горячо Е.П.(Блаватская) любит свою родину Россию и насколько не сочувствует английским порядкам в Индии, за что и не пользуется благорасположением правителей Индии».

Во всех этих строках от начала до конца СВЯТАЯ ИСТИНА***; и ввиду сотен ходящих обо мне, по случаю моего возвращения в Европу, нелепых слухов, я приношу мою горячую благодарность тому, кто написал обо мне хоть раз правду. Но в нескольких последующих за этими строчках вкрались неточности,

* Текст неразборчив.

** В метрополии.

*** Здесь и далее выделено автором.

которые я вас и покорнейше прошу исправить. В них говорится, например: «При возникновении афганского вопроса²⁶, г-жа Блаватская, как и обыкновенно, не стеснялась открыто высказывать свои симпатии и антипатии, за что, по дошедшим до нее слухам, ей грозил арест, во избежание которого она вынуждена была поспешно сесть на отходящее французское судно, доставившее ее благополучно в Неаполь...»*

...Вследствие всего этого прошу позволения **ИСПРАВИТЬ** и **ДОБАВИТЬ** следующее к шести упомянутым мною строчкам.

1) Хотя совершенно верно, что я горячо люблю мою родину и все русское, а англо-индийскому **ТЕРРОРИЗМУ** не только не **СОЧУВСТВУЮ**, но и просто **НЕНАВИЖУ** его, но не менее верно и следующее: не чувствуя за собой права вмешиваться в чьи-либо домашние, тем менее в политические дела, в продолжение моего **ШЕСТИЛЕТНЕГО** пребывания²⁷ в Индии, строго следуя уставам нашего Теософического общества, я не только что никогда не выражала **ПЕРЕД ИНДУСАМИ** своих «антипатий», но, любя их и желая им добра от всего сердца, старалась, напротив, помирить их с неизбежным и, утешая, постоянно поповедовала им терпение, прощение и внушала верноподданнические чувства.

2) В благодарность за это, прозорливое англо-индийское правительство узрело во мне, с первого же дня моего приезда в Бомбей — «русскую шпионку». Оно не жалело ни трудов, ни денег, чтобы проникнуть ту **КОВАРНУЮ ЦЕЛЬ**, которая могла заставить меня предпочитать «покорителям» **ПОКОРЕННЫХ** «тварей низшей расы», как первые называют индусов. Оно окружало меня более двух лет почетным конвоем из мусульманских полицейских шпионов, делая мне, одинокой русской женщине, честь страшиться меня, как бы я была целой армией казаков за Гималаями. Только спустя два года и истратив — по сознанию сэра Альфреда Лайеля²⁸, более 50000 рупий на эту бесполезную погоню за моими **ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТАЙНАМИ** — которых никогда и не было, — правительство успокоилось. — «Мы сыграли в дураков», — говорил мне очень откровенно затем в Симле некий англо-индийский сановник, — в чем я с ним учтиво согласилась.

3) Вернувшись в декабре 1884 г. из Европы домой в Мадрас, я почти тотчас же заболела. С того дня, когда возник афганский вопрос, до 29 марта 1885 г., когда я уехала снова, я не могла выражать ни симпатий, ни антипатий, потому что лежала на смертном одре, приговоренная к смерти всеми докторами. Этим именно и воспользовались те, **КОТОРЫЕ СТАРАЛИСЬ ВСЕМИ СИЛАМИ УБИТЬ МЕНЯ** или по крайней мере удалить из Индии, где я им мешала. Это известно всей Индии; все знают, насколько меня **СТРАШИЛИСЬ И КАК НЕНАВИДЕЛИ** многие — почти **ВСЕ** англо-индийцы²⁹ и какой существует огромный против нашего общества заговор между европейцами в Индии и даже в Америке и Англии. «Не мытьем, так катаньем». Не находя предлога разрушить приносящее пользу общество, в котором, к тому же, очень много самых известных англичан, наши «доброжелатели» вздумали убить его, убив если не меня, то мою репутацию. Дошло до того, что пожелали даже представить все Теософское общество, организованное полковником Олькоттом³⁰ и мною, не чем иным, как водевилем с передеваниями и ширмой, за которой скрываются мои планы и действия «русской шпионки». Такое мнение высказал, между прочим, **ПУБЛИЧНО** за обедом у м-ра Гарстина³¹, одного из выдающихся сановников правительства в Мадрасе, член Лондонского общества для психических исследований³². Это произвело страшную бурю.

* Здесь отточие автора.

Знающие люди убедили тогда моих людей в Адьяре (главная квартира Теософского общества), что в данное время мое положение далеко не безопасно, как русской, пользующейся известным влиянием среди индусов, и что мне угрожал, невзирая на мою болезнь, — арест.

Таким образом, не объяснив мне даже хорошенько, в чем дело, эти перепугавшиеся за меня друзья решили по совету доктора, который грозил им, что такой арест был бы для меня в то время смертью, отправить меня, не медля ни одного дня, в Европу. Прямо с постели, полумертвую, меня перенесли поздно вечером в кресле на ФРАНЦУЗСКИЙ пароход, где я была в безопасности от врагов, и отправили в сопровождении доктора Хартмана³³, моего секретаря, индуса³⁴, и преданной мне молодой англичанки³⁵ в Неаполь. Только придя уже несколько в себя, за островом Цейлоном, я узнала, в чем дело. Не будь я так больна, в то время даже и опасность ареста не заставила бы меня покинуть Индию.

Вот истинный рассказ о последнем событии моей жизни, могущий служить дополнением к помещенной в вашем журнале «Правде о Е.П.Блаватской»³⁶. Многие же из подробностей этого шестилетнего эпизода о моем фантастическом «шпионстве» читатели найдут в I и во II части печатающихся в «Русском вестнике»³⁷ моих писем «Из пещер и дебрей Индостана»³⁸, продолжением которых я занята в настоящее время.

Примите и проч.
Е. Блаватская.

Вюрцбург³⁹, 26 августа 1885 г.

Журн. «Ребус». СПб., 1885, т. 4, № 37, с. 335—336.

№ 99

28 июля — 9 августа 1888 г. — Запись
из дневника С.С.Бутурлина⁴⁰ о знакомстве
с Е.П.Блаватской

...Познакомился с Елен.Петр.Блавацкою (Радда Бай)... Она просила меня устроить возвращение в подданство России, куда она, впрочем, не может вернуться, будучи слишком занята работою. Она говорит, что лишь благодаря нашему м-ру Бодиско⁴¹ (он задерживал «из каприза» деньги, присылаемые через него к ней, и т.п.), выведенная из терпения, она приняла подданство Соед. штатов, но когда в City Hall* Нью-Йорка, согласно обряду, она должна была поднять руку в знак того, что она более не признает власть Государя Императора, она отказалась наотрез и произошел скандал. В 81 г. ея «Theosophist» выходил 6 недель с траурн. рамкою по случаю кончины Государя⁴²...

...По четвергам веч. у нее заседания теософов, индусы перед нею простираются навзничь «because she is our mother...**»

РГБ, Рукописный отдел, ф. 89, карт. 4, ед.хр. 4, 1887—1888, окт., л. 145 об., 146. Автограф.

* Здание муниципалитета (англ.).

** Потому что она наша мать (англ.).

1881—1884 гг. — Из заявления индуса,
брахмана Раи Б.К.Лахири в защиту Е.П.Блаватской
во время процесса Куломб⁴³

...Не может быть никакого сомнения, что Е.П.Блаватская обладает чудесными тайными силами, которые она могла получить, только преодолев бесконечно великие трудности. Нет ничего труднее в наше время в Индии, как найти настоящего йога и суметь получить от него знания, тем более эта трудность непреодолима для женщины из расы варваров (Mlechha)*. Но что ей удалось, — как я не знаю, — овладеть ключом к истинной индусской философии и к тайному учению Будды, для меня — несомненно.

С членами Теософического общества Индии, Англии и Америки я не знаком, но Е.П.Б. знаю хорошо. Я не русский, не англичанин и не американец и не имею никакого земного побуждения говорить о ком-либо злое или хорошее, если я в том не убежден.

А если подумают о том, что я — Индус и притом Браман высшей касты, то ясно, что ничто, кроме истины, не могло заставить меня сказать слово в пользу личности, которая высокие учения моих предков выдает тем, кто, несмотря на всю науку и цивилизацию, все же — насквозь варвары.

Но кто называет Е.П.Блаватскую обманщицей, тот не понимает, что говорит.

Я бы отдал все в жизни тому, кто научил бы меня так обманывать.

И неужели людям Запада недостаточно, если гордый Браман, который никогда, ни перед кем не склонял головы, кроме Высшего Существа, если он перед этой белой Йогиней Запада складывает руки, как послушное дитя?

Что же побуждает его к тому?

То, что в наших глазах она более не женщина варваров, она переступила порог, и каждый индус, даже чистейший из чистейших Браманов, сочтет для себя честью назвать ее матерью.

Легко завидовать приобретенному могуществу, но трудно, бесконечно труднее, чем я могу это выразить, — приобрести такое могущество.

Из книги «Елена Петровна Блаватская. Ее биография, отзывы о ней учеников и образцы ее сочинений, вышедших в Англии». СПб., 1911, с. 75.

Примечания

1 Блаватская Елена Петровна (писательский псевдоним — Радда Бай) — основательница Теософского общества (см. примеч. 8), автор работ по теософии, книг, статей и повестей об Индии и др. Родилась в 1831 г. в г. Екатеринославе. Ее родословная по материнской линии восходит к старинному русскому роду Долгоруковых, а по отцовской — к мекленбургским князьям Германии. Мать Блаватской — Елена Андреевна Ган, известная в то время писательница, отец — Ган Петр Алексеевич — артиллерийский офицер. Большая часть детства и отрочество Е.П.Блаватской прошли в Саратовской губернии и в Тифлисе. В 1848 г. она вышла замуж за вице-губернатора Ериванской губернии Н.В.Блаватского, но в том же году они расстались. Е.П.Блаватская уехала в Египет. С 1848 по 1872 г. она много путешествовала; побывала в Греции, Малой Азии, Европе, Южной и Сев. Америке, Индии, Китае, Японии. В 1864 г. — попала в Тибет. Во время своих путешествий она изучала литературу, культуру и религии Востока.

* Mlechha (санскр.) — варвары.

В 1873 г. Е.П.Блаватская поселилась в Нью-Йорке, где в 1875 г. вместе с полковником Г.Олькоттом основала Теософское общество, став в нем секретарем, а Олькотт — председателем. В 1879 г. штаб-квартира общества была перенесена в Индию, сначала в Бомбей, а затем в предместье Мадраса Адьяр (1882 г.). В Индии началась интенсивная работа по изучению, объяснению и популяризации философских и религиозных учений древней Индии и идей Теософского общества.

Климат и напряженная работа подорвали здоровье Блаватской, в начале 1884 г. она уехала в Европу, побывав еще раз в Индии в конце 1884 — начале 1885 г.; с 1887 г. жила в Лондоне.

В 1885—1891 гг. Е.П.Блаватская написала три тома книги «Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии» (два из которых были напечатаны при ее жизни), «Ключ к теософии», «Голос безмолвия», «Драгоценные камни Востока» и множество статей. Ранее ею были опубликованы: «Разоблаченная Изида», «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена на Голубых озерах. Дурбар в Лагоре» и др.

Умерла Е.П.Блаватская в Лондоне 26 апреля/8 мая 1891 г. Ее пепел был разделен на три части и хранится в Адьяре, Лондоне и Нью-Йорке. Дело, которому Е.П.Блаватская посвятила жизнь, высоко оценивалось в Индии. Так, например, Мохандас Карамчанд Ганди писал: «Я был бы более чем удовлетворен, если бы мог коснуться края одежды мадам Блаватской». В настоящее время теософские работы и деятельность Е.П.Блаватской известны во многих странах мира, а по решению ЮНЕСКО 1991 год был объявлен годом Е.П.Блаватской.

² Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, издатель. С 1876 г. — владелец газеты «Новое время», выходящей с 1868 г., а с 1880 г. — журнала «Исторический вестник», издававшихся в Санкт-Петербурге по 1917 г.

³ «Теософист» («The Theosophist») — журнал, издававшийся на английском языке Е.П.Блаватской в Индии с 1879 г. После ее смерти издательницей журнала стала А.Безант.

⁴ Описка Е.П.Блаватской. Ниже в письме правильно — «Новое время». Издания «Русское время» не существовало.

⁵ Имеется в виду закон о туземной печати, см. док. 78, примеч. 57.

⁶ Статья под таким заголовком в «Новом времени» опубликовано не было. Под похожим названием «England and Russia» 6 дек. 1878 г. в газете «Boston Evening Guardian» Блаватская опубликовала свою заметку со стихотворением, посвященным О.А.Новиковой (писательнице, журналистке, много лет прожившей в Англии) (см.: РГБ, Рукописный отдел, ф. 126, карт. 3611 а, д. 106; РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, д. 101).

⁷ Блаватская имеет в виду корреспонденцию за подписью «М-в» из Лондона, помещенную в газете «Новое время» 12 июня 1879 г., в которой говорится: «Страшный призрак русских интриг по-прежнему не дает им (англо-индийским чиновникам. — *Сост.*) спать: он неотступно преследует их во сне и наяву. Им кажется, что самый воздух, их окружающий, насквозь пропитан русскими интригами. Каждое неизвестное лицо, заглядывающее в Симлу или Пуну, немедленно принимается за русского шпиона».

⁸ Теософское (Теософическое) общество — общество, созданное для изучения и распространения теософии (от греч. *Theos* — бог и *sophia* — мудрость), основное положение которой состоит в том, что для «цельного знания» необходим синтез рационального и эмпирического знания с мистическим.

Теософское общество было основано Е.П.Блаватской и полковником Олькоттом 7 сентября 1875 г. в Нью-Йорке.

Девиз теософского общества — «Нет религии выше, чем истина».

Своей деятельностью в Индии Теософское общество стремилось содействовать ее духовному, религиозному и общественному подъему, возродить интерес к древним священным книгам, особенно к Упанишадам и Бхагавадгите; издавало их на санскрите, выступало за создание индусских школ, открыло школу для париев и Центральный индусский колледж в Бенаресе (1899 г.).

Филиалы Теософского общества были образованы почти во всех странах Европы, в том числе в России, в Индии, Сев. и Юж. Америке, Африке, Океании, Яве, Японии. В 1991 г. в Москве возобновило свою работу Российское теософское общество.

⁹ Блаватская, давно желавшая знакомства с И.П.Минаевым, узнала о его приезде в Бомбей, вероятно из отчета о встрече Минаева с учеными-санскритологами, опубликованного в газете «Таймс оф Индия» 7 ноября 1880 г.

И.П.Минаев знал о деятельности теософов в Бомбее. В своем дневнике он дважды упоминает об этом: «26 января (1880). Теософическое общество не совсем спиритическое. Блаватская называла себя графиней... 22 февраля: Сегодня утром был у С.П.П. (инициалы не расшифрованы. — *Сост.*). Говорили о м-м Б[лаватской]. Я передал ему содержание письма, полученного мною. Он очень был удивлен некоторыми положениями о целях общества, как они были высказаны в письме

ко мне. Теософическое общ[ество], несомненно, ищет знакомства с чернокожиим» (Минаев И. П. Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885—1886. М., 1955, с. 40, 56).

Знакомство Е. П. Блаватской с Минаевым не состоялось. Племянница Минаева А. Шнейдер в своих воспоминаниях пишет: «Она (Блаватская. — *Сост.*) очень хотела с ним познакомиться. Иван Павлович очень не хотел этого знакомства ни с ней, ни с председателем Теософического общества англ. полковником Олькоттом — всячески избегал его и избегнул» (СПб. Ф ИВ РАН, Архив востоковедов, ф. 39, оп. 4, д. 39).

¹⁰ Их переписка началась после сообщений американской печати о знаменитых дебатах 1873 г. в г. Панадуре между христианским проповедником Давидом де Сильва и буддийским монахом-просветителем Мигеттуватте Гунанандой Тхеро, которые произвели большое впечатление на руководителей Американского теософического общества Генри Олькотта и Блаватскую. Последняя прислала М. Гунананде свою книгу.

¹¹ Уордсворд — профессор истории и политической экономики, директор Эльфинстонского колледжа в Бомбее. Махадео Морешвар Кунте — маратхский общественный деятель и ученый, историк и санскритолог, преподаватель Эльфинстонской гимназии и Эльфинстонского колледжа в Бомбее. Сторонники просветительского движения маратхской интеллигенции, они с недоверием отнеслись к деятельности американских теософов в Бомбее, в результате чего последние перенесли центр своей деятельности в Мадрас и на Цейлон.

¹² Александр Николаевич Аксаков (1832—1889), публицист, переводчик, писатель, племянник С. Т. Аксакова. Был одним из основателей спиритизма в России, автор книги «Анимизм и спиритизм». Ч. I—II, СПб., 1893.

¹³ Reverend Sumangala... (Reverend — англ. «преподобный», титул священника). Хиккадуве Шри Сумангала Тхеро (Теро), буддийский монах и общественный деятель, пионер буддийского просветительского движения на Цейлоне, основатель пиравены (Буддийской семинарии) в Вильюдае. Блаватская имеет в виду упоминание о нем в книге И. П. Минаева «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского», СПб., 1875, с. 46.

¹⁴ Mohotiwatta Terunance — вероятно, искаженное Мигеттуватта Терунансе — высшая категория буддийского монашества. Блаватская, видимо, вместо фамилии Гунананды Мигеттуватте называет его имя и титул.

¹⁵ Имеется в виду Хиккадуве Шри Сумангала Тхеро.

¹⁶ Блаватская имеет в виду, что Фридрих Макс Мюллер (1823—1900), выдающийся индолог и мифолог, был немцем, но долгое время (с 1846 г.) работал в Англии, где были изданы его главные работы.

¹⁷ Rivett-Carnac из Gasipur'a — историк, автор статьи о древнеиндийских монетах, работал в Газипуре, городе и административном центре одноименного округа в Индии (штат Уттар-Прадеш).

¹⁸ Династия Андхра, правители которой в надписях на монетах назывались Сатаваханами, а в пуранах именовались Андхрами, основала на Северо-Западном Декане, на развалинах империи Маурьев царство Сатаваханов, или Андхров, с центром в Пратиштхане (современный округ Аурангабад, штат Хайдарабад). Датировка истории династии Сатаваханов и их правителей не определена.

¹⁹ Насик, город и административный центр одноименного дистрикта в Бомбейской провинции. В его округе сохранилось много индуистских, буддийских памятников архитектуры и джайнистских пещерных храмов XI—XII вв.

²⁰ Bhumi Mitra, Agni Mitra — цари династии Шунгов.

²¹ Bhulguni Mitra, Surya Mitra, Bhudra Ghosa — цари династии Панчала, правившей в первые века н.э. в районе г. Газипура.

²² Имеется в виду Азиатский музей Академии наук, основанный в 1818 г., собиравший и хранивший восточные древности.

²³ Имеется в виду лорд Линдсей, известный английский астроном, увлекшийся теософией.

²⁴ Прибытков Виктор Иванович (ум. в 1904 г.) — издатель и редактор основанного им в 1881 г. журнала «Ребус».

²⁵ «Ребус» — с 1881 г. научно-популярный листок, с 1884 г. еженедельный журнал по вопросам спиритуализма, психизма и медиумизма, выходивший в Санкт-Петербурге. После смерти В. И. Прибыткова с 1904 по 1916 г. издавался П. А. Чистяковым.

²⁶ Имеется в виду так называемый «пендинский кризис». После присоединения Россией весной 1884 г. Мервского оазиса Англия решила расширить «буферную» зону на севере Афганистана за счет отторжения земель, расположенных между реками Мургаб и Кушка (оазис Пендэ), чем и было вызвано столкновение между русскими и афганскими войсками в начале марта 1885 г. Афганские войска вместе со своими английскими «советниками» спешно отступили. Северо-западная граница Афганистана была определена после длительных переговоров между Россией и Англией протоколом, подписанным в 1887 г.

27 Е.П.Блаватская жила в Индии без перерыва с 1878 по 1884 г.

28 В небольшом секретном письме от 11 апреля 1879 г. Альфреду Лайеллу от помощника политического секретаря правительства Бомбея Джона Нагента сообщалось: «За мадам (т.е. Блаватской. — *Сост.*) ведется внимательное наблюдение, но ничего важного относительно нее не установлено» (National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, September, 1879, № 186—250, Monsieur Pachino).

29 Под англо-индийцами Е.П.Блаватская подразумевает британцев, живших в колониальной Индии.

30 Полковник Генри Олькотт (1832—1906 или 1907) — во время гражданской войны в США (1861—1865) воевал в войсках Севера, затем был адвокатом и журналистом. Встретившись в 1874 г. с Е.П.Блаватской, был поражен ее знанием оккультных наук. Их сотрудничество началось с литературной деятельности — Олькотт правил английский текст первой книги Е.П.Блаватской «Разоблаченная Изида», вышедшей в 1877 г. В 1875 г. они вместе создали в США Теософское общество, Олькотт стал его первым президентом. В 1894 г. он переехал в Адыр, где и скончался.

31 Неустановленное лицо.

32 Неустановленное лицо. «Общество для психических исследований» было образовано в Лондоне в 1882 г.

33 Неустановленное лицо.

34 Имеется в виду брахман Мохини М.Чаттерджи, бывший в это время секретарем Е.П.Блаватской. В РГАЛИ (ф. 345) есть 16 его писем к О.А.Новиковой.

35 Неустановленное лицо.

36 «Правда о Е.П.Блаватской» — рассказ о жизни Блаватской с описанием отдельных случаев проявления ее необычных психических способностей печатался в 1883 г. в журнале «Ребус» (№ 40, 41, 43, 44, 46—48).

37 «Русский вестник» — литературный и политический журнал, издававшийся с 1856 по 1887 г. М.Н.Катковым в Москве, после его смерти с 1887 по 1896 г. издавался в Петербурге под редакцией Ф.Н.Берга, а с 1896 по 1906 г. — опять в Москве под редакцией М.М.Каткова.

38 «Из пещер и дебрей Индостана» — так назвала Е.П.Блаватская свои письма из Индии, печатавшиеся с января 1883 г. в журнале «Русский вестник» в качестве приложения в т. 163—166. В этом же году эти письма вышли в Москве отдельной книжкой.

39 В Вюрцбурге (в Баварии) Е.П.Блаватская находилась на излечении.

40 Бутурлин Сергей Сергеевич (1842—19...) — окончил Московский университет и Николаевскую академию Генерального штаба, на службе с 1865 г., участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1884 по 1891 г. военный агент в Лондоне; с 1886 г. генерал-майор, с 1906 г. генерал от инфантерии. В 1916 г. инспектор лечебных заведений по г. Москве.

41 Бодиско — видимо, имеется в виду чиновник МИД В.Бодиско, бывший в 1872—1877 гг. генеральным консулом России в Нью-Йорке.

42 Речь идет об императоре Александре II, убитом в 1881 г.

43 В 1881 г. чета Куломб, экономка Е.П.Блаватской и ее муж, обвинили ее в мошенничестве. Начался длительный судебный процесс, показавший истинное отношение к Блаватской в Индии. В газете «Boston Courier» появилось подписанное 70 пандитами из Непатама заявление против обвинений Е.П.Блаватской в обмане. Студенты высших учебных заведений Мадраса поднесли ей адрес, в котором выражали благодарность за созидание братского чувства взаимной симпатии у различных индусских каст, за верную передачу арийской мудрости, возрождение санскритской литературы. В это время появилось и приводимое заявление брамина Раи Б.К.Лахири.

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана.

Загадочные племена на «Голубых горах».

Дурбар в Лагоре. Берлин. [Б.г.], с. 17 – 20

...Известно ли у нас, в благодушной России, что такое именно заключается в этом магическом слове «британский престиж»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все — от ожиревшего европейца лавочника, евразия плантатора, потешающегося с крепким арапником в руке над спинами кулиев, от чванного чиновника под серым топи на голове, имеющим аршин в диаметре и похожим на глубокий опрокинутый соусник, до рыжего прилизанного, долгоногого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, — все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный престиж. Но знают ли, как именно выражается в Индии политический престиж? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса и его удалых товарищей престиж британский состоял в том, чтоб улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая от него дары и натурою, и златом, все-таки при случае надуть его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантазмагии, именуемой имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно маммоне миллионы заморенных голодом бедняков. Райот (землепашец) — есть козел отпущения в Индии за британские грехи. Райот — жалкое существо, которое от рождения до смерти, со своим всегда огромным семейством, живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за все, от вице-королевских охот, даваемых в честь скучающих туристов из королевского дома, до подарков императрицей царькам Индии, — бесталаннейший райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова «политический престиж». Этот престиж наследовал Ваалу-Пеору, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли, впрочем, в этом даже самих ассирийян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа райот осуществляет собою великое открытие Дарвина «борьбы за существование». Умирая голодной смертью в стране несметных богатств и расточительности, для поддержания престижа сильнейшего, райот сделался живым символом и вместе протестом против теории survival of the fittest*.

Да не вознегодуют, читая это, как и все подписанное «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о них и об этих самых вопросах «Али-Баба»**, остроумнейший из писателей, каждый взмах пера которого был злейшею и вместе глубоко правдивою сатирой на современное положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских сайсов и чупрасси. Сайсы — конюхи и скороходы чиновников, а чупрасси — официальные правительственные рассыль-

* Выживание сильнейшего (англ.).

** Aberight Maskay, профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии (примеч. автора).

ные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех, больших и малых, гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий, учреждаемых обыкновенно при конце каждой повальной голодовки, и докажется, что политический британский престиж убивает ежегодно более туземцев, нежели, взятые вместе, холера, тигры, змеи и даже так легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки*. Правда, убыль, причиняемая им в рядах чернорабочего люда, наполняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов» — один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расою цивилизованной в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свет англичанами, при помощи голландцев, французов, португальцев. Они — венец и бессмертный памятник деятельности «благодушных отцов» Ост-Индийской компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные, как и незаконные (так как есть разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских сношений между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, к величайшей радости индусов, англичане стали смотреть на их супруг и дочерей с отвращением, которое превращается разве только гадливостью туземцев при виде англичан, более или менее декольте. Две трети Индии наивно верят в распущенный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом прокаже.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой, официальная Англо-Индия вырыла между собой и туземцами такую бездну, что не завалить ее и тысячелетиями. Невзирая на грозный призрак британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород — либо черную, либо белую. «Престиж» поэтому есть не более как рассчитанная мера самосохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы мор среди туземцев. В главах этой «христианской» нации это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он — наскоро собранная природой комбинация слабо-склеенных атомов, прямая эволюция, без переходных стадий асцидии в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом раджи до прозрачного от худобы и голода кули и райота. Первый уже так хорошо дрессирован

* Этот орган человеческого тела, по-английски сплин (spleen), действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка — лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стоит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода британцев деликатности их сплина. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно, — рассуждают они, — чиновнику прикоснуться к радже или даже собственному китмагару (буфетчику) без того, чтоб у того, как назло, не лопнула „селезенка“! Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджей припадок. Подхватил его под руки „политический агент“, немножко потряс, чтобы привести в чувство, и только что посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь, вот, и возись с этим штатиком... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу — опеку над осиротевшим штатом!» (Резюме из англо-индийской печати).

Подлинно, полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство (примеч. автора).

«политическими резидентами», что готов за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте продать во имя политического британского престижа всю Индию, с родным отцом и матерью в придачу. Второй, то есть райот, способен реализовать эту великолепную Беконсфильдовскую идею в своих иссохших от лишения мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодной смертью...

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана.
Загадочные племена на «Голубых горах». Дурбар
в Лахоре. Берлин. [Б.г.], с. 227 – 245

...Для многих русских Индия такой край земли, что не обрисуй я тверже не только обоюдные отношения покорителей с покоренными, но и эскиз самой страны, многое из моего пересказа о виденном и слышанном на диковинном дурбаре в Лахоре останется темным и невыясненным.

Не имея ни малейшего притязания на непогрешимость мнения, особенно в политике, предлагаю следующие страницы, просто как личные наблюдения, поверхностные, но в общем правдивые: за это ручаюсь. Слыша столько разговоров об Индии, как пришлось мне слышать их в Симле, с одной стороны, и столько же сдержанных жалоб туземцев — с другой, судя, наконец, совершенно беспристрастно по самым событиям, развивающимся прямо перед моими глазами, думаю, что два года постоянного пребывания в стране дают мне некоторую возможность судить о ней довольно правильно. Весьма мало посвященная в сокровенные тайнства Калькуттского кабинета, еще менее интересуюсь оными, все-таки полагаю, что immaculato* белое не может показаться мне совсем черным или vice versa**; тем более, что характер сношений между правителями и управляемыми до того ненормален, что всякому иностранцу бросается в глаза. В двух предыдущих главах я часто упоминала об этих удивительно странных и ни на чем не основанных отношениях, также и в предыдущих письмах моих из Индии и особенно в статьях: «Из пещер и дебрей Индостана», которые печатались в «Московских ведомостях», отношениях, со стороны англичан, донельзя презрительных и высокомерных, со стороны туземцев — иногда отвратительно подобострастных и робких.

Но каждый раз, когда разговор касается их обоюдных отношений, а я позволю себе высказать мое искреннее мнение о несправедливости и жестокости англичан к туземцам, первые уверяют меня, что я ошибаюсь, ибо ничего не смыслю в их тонкой политике, а последние, на мои умиротворяющие речи и слова утешения, стараются доказать, что нет во всей Индии англичанина, который желал им добра. Весьма скоро я пришла к следующему заключению: обе стороны преувеличивают, одна — свои великие добродетели и заслуги, другая — свою будто бы незаслуженную судьбу. Первые, вероятно, в силу мудрой пословицы, гласящей, что «с жиру собаки бесятся», приехав из Англии в Индию, как бы перерождаются; последние лично, положим, и не заслуживали такой судьбы, но Индия, в общности, несет теперь лишь тяжкое бремя своих вековых грехов: она сама сложила своим прошлым бедствия настоящего, и ее положение неизбежно.

Замечательнее всего, что ни о деяниях англичан в Индии, ни о настоящем положении туземцев под британским игом в Англии ровно ничего не знают. До

* От *immaculate* (англ.) — безукоризненный.

** *Vice versa* (лат.) — наоборот.

какой степени это верно, можно судить из следующего: едет образованный индус, отчасти отрешившийся от суеверных предрассудков как родины, так и касты, в Европу, — едет он в первом классе, едет уже не санюлотом, а почти по-европейски; утирает нос платком, а не вилкой Адамовою, манеры у него как почти у всех европейцев спокойные, даже изящные, да и образованием он стоит никак не ниже, а иногда и выше большей части его английских спутников. Невзирая на все это, его путешествие разделяется на два периода: период первый — до Адена и период второй — от Адена до Лондона. От Индии до Адена, то есть до первой половины плавания, англичане от него станут сторониться: они будут смотреть на него, как на презренное существо «низшей расы», словом, игнорировать его присутствие, и он редко посмеет даже воспользоваться своими правами: сесть с ними за общий стол. Но раз за Аденом и не успел пароход потерять берег из виду, все и всё, словно по мановению жезла волшебника, изменяются!.. С индусом начинают заговаривать. Его уже не избегают, и случись там едущий с ним на одном пароходе в отпуск один из сановников Индии, даже и он, вероятно, заговорил бы с ним о политике, а супруга сановника благосклонно обратила бы его внимание на погоду. На обратном пути — то же. От Англии до Адена — рай. Но не успел еще стимер* обогнуть раскаленные холмы Аравии и доехать до Баб-эль-мандеба, как декорации снова изменяются: свободный британский подданный превращается в беззаветного английского раба, о каком в Англии и понятия не имеют!..

Это не выдумка, а ежедневно подтверждаемый факт. Так кого же следует в этом винить? Англию ли с её равными для всех англичан законами и учреждениями, или же англичан, то есть англичан в Индии, что сильно изменяет вопрос... Конечно, англо-индийцев. Они одни, в продолжение последнего двадцатилетия, выработали в себе такие предрассудки в поблажку своим высокомерию и чванству. В Индии, где все раболепно преклоняются пред ними, эти два порока раздуваются в них пропорционально с зараженною климатом печенью; в Англии никто из них не посмел бы сознаться, с каким чисто азиатским деспотизмом и презрением он относится к индусам, да и не только в Англии, но и здесь каждый из них при всяком таком намеке отрешивается от него, стараясь опровергнуть прямое обвинение. Иван кивает на Петра, а сам ни за что не сознается.

— И не стыдно вам так обращаться с бедными индусами... словно они бестолковые скоты? — спрашиваю одного весьма милого и доброго бритта, в доме брата которого я в это время гостила.

Милый бритт широко открывает голубые глаза, и на его розовом лице изображается удивление.

— Как так обращаться? Разве я дурно обращаюсь?

— Да ведь не медалью же вы их дарите, третируя их при каждом случае, словно кастильский погонщик упрямого мула?..

— Вы, кажется, ошибаетесь. За других не ручаюсь. Конечно, есть среди нашей колонии (то есть английской) люди слишком, быть может, суровые с туземцами. Но я лично, нет, вы, право, несправедливы!..

— Ну, а вчера, когда к вам пришел по делам этот старый рао бахадур** в ваш кабинет и, войдя в чулках, смиренно стал у дверей?.. Ведь вы не только не посадили его, но даже и не подпустили на десять шагов.

— My dear friend! Вы рассуждаете, как женщина! — воскликнул мой приятель. — Визит старика был официальный, и я не имею права отклоняться в его

* От steamer (англ.) — пароход.

** Высокий туземный титул дворянина (примеч. автора).

пользу от раз принятой нашими администраторами мудрой политики — холодной, сдержанной тактики с туземцами. Иначе они и не стали бы нас уважать. Это политика отчуждения.

— Вероятно, совпадает с политикой сближения самого недвусмысленного характера? Разве вы не толкнули в моем присутствии вашего садовника, мирно занимавшегося своею работой на гряде, только потому, что он попался вам под ноги, когда мы шли по дорожке?..

— Это случилось нечаянно, — проговорил немного сконфуженный приятель мой, — иногда трудно бывает отличить их темную кожу от земли.

— Так, так, ну, а скажите мне, этот ваш черномазый садовник, британский подданный или нет?

— Д-д-да... конечно! — немного неохотно согласился мой собеседник, чувствуя, вероятно, нечто предательское в неожиданном вопросе.

— И имеет одинаковые права, положим, хоть с садовником-англичанином?

— Да... Но к чему это? Я вас не понимаю?...

— Так себе, любопытство иностранки и женщины. Я люблю делать сравнительные выводы... Только как вы полагаете... дав незаслуженную, да хоть бы даже заслуженную, затрещину англичанину-садовнику... вы не рисковали получить сдачу?.. Перед законом ведь ваш садовник был бы прав, а вы, как зачинщик, остались бы оштрафованы. Ну, что, если б индус, в свою очередь, как британский подданный, дал бы вам... такую сдачу?..

Мой приятель даже подскочил.

— Я... я заколотил бы его до смерти! Индус — британский подданный, но он не англичанин!..

В этом восклицании заключается целая поэма признания. Он как бы кладет печать на приговор над целою нацией и ее судьбой в настоящем, если не в будущем.

Что Англия великая и могущественная нация, это знает всякий; известно каждому также и то, что Англия, как нация, не может не желать Индии, как лучшей из своих колоний, если не добра в нравственном, то преуспевания в материальном отношении, хотя бы в силу пословицы, что «никто не станет выжигать собственного посева». И в этом материальном отношении она действительно делает все возможное для Индии, не жалея ни труда, ни денег. Труд этот, правда, вознаграждается из казны Индии. Но то, что Англия действует в этом эгоистично, не может изменить факт, что она готовится для Ост-Индии великолепное будущее, если только дитя переживет пору строгого воспитания; к тому же такое будущее, которое было бы немыслимо для этой заплесневевшей страны ни при могущественных династиях, ни во времена самоуправления, так как предрассудки и вековые обычаи всегда преграждали ей дорогу к прогрессу. Много горя и мук перенесла в свое время великая Бхарата; но это горе сделало ее еще способнее к ожидающему ее полному обновлению. Еще двадцать лет назад индус предпочел бы тысячу смертей стакану воды, поданному ему европейцем или в доме последнего, да и не только европейца, но мусульманина, парса или своего же индуса другой касты. Принимать жидкое лекарство, приготовленное в общей аптеке, лекарство, в которое входит вода, считалось смертным грехом; сидеть рядом с соотечественником из другой касты равнялось исключению из своей, то есть вечному бесчестию. На лед и содовую воду смотрели с отвращением, а теперь и лекарство, и лед, и содовая вода, а особенно сеть железных дорог, сделали свое дело. Под влиянием цивилизации, хоть и насильно навязанной народу, вековые предрассудки, погубившие Индию, сделавшие ее такою легкою добычей для пер-

вых искателей приключений, пожелавших завладеть ею, начинают постепенно оттаивать, как замерзлая лужа под солнечным лучом.

Без всякого сомнения, англичане совершили и продолжают совершать неизгладимые благодеяния для Индии, но, повторяю, для будущего, — никак для ее настоящего. Они похваляются тем, что если б они и действительно ничего не дали ей, кроме своей защиты против мусульманского вторжения и помощи для окончательного подавления междуусобицы, то все-таки они сделали бы более для Индии, нежели кто другой, не исключая и самих индусов, со времен первого магметанского вторжения. Положим, что Англия сделала и более. Но зато настоящее англо-индийское правительство поступает как мачеха, теребящая пасынков за зубы и морящая их голодом, потихоньку от мужа, если действительно оно во всем другом строго выполняет задуманную им от его Home Government программу. К несчастью Индии, Англия за тридевять от нее земель, а англо-индийское правительство у Индии на шее и постоянно с плеткой в руках. Само собой разумеется, что туземцы не могут быть этим довольны и постоянно жалуются. Впрочем, хотя большинство их жалоб и справедливо, но во многом они виноваты и сами. Вместо того, чтобы из уроков прошлого извлечь пользу для будущего, они, словно страусы, прячут головы в песок, предаваясь горечи настоящего.

Поступай англичане по-человечески с туземцами, их власть проявлялась бы менее деспотически, не заставляла бы, конечно, индийцев так дрожать перед ними, но она упрочилась бы на почве Индии гораздо тверже, нежели теперь, любовью и благодарностью народною. Тихие и кроткие, большая часть туземцев готовы лизать каждую приласкавшую их руку, благодарить за каждую брошенную им кость. Будь англичане менее свирепо-презрительны к индусам, поласковее с народом, их престиж, быть может, и уменьшился бы, но зато упрочилась бы и на будущее время их безопасность в завоеванной стране. А вот именно этого-то они или не хотят, или же не способны понять. Они как бы совершенно забывают даже то, что знает каждый ребенок, что их престиж — один блестящий мыльный пузырь, безусловно зависящий от внешних, не подвластных им событий. Их власть прочна в Индии, даже и с настоящею системой каст, лишь потому, что туземцы питают страшное суеверие к их победимости, не находя в ней и признака какой-либо Ахиллесовой пяты; а также и потому, что, по учению Кришны, они не смеют идти против «неизбежного». Фаталисты, они верят, что живут в Кале-Юге, «черном веке», и что им нечего ждать хорошего, пока этот век еще продолжается на земле. В этих двух суевериях, как в двух неприступных крепостях, хранятся безопасность и власть англичан. Но пусть где-нибудь крепко побьют британскую армию, и мыльный пузырь лопнет, поверье исчезнет в умах индусов, как грезы кошмара в минуты пробуждения.

В Индии, где только соберутся двое англичан, тотчас же раздаются жалобы на «дьявольскую неблагодарность черных чертей». А там, где останутся два туземца, непременно посыплются жалобы на «черные замыслы белых притеснителей». Взятые вместе, эти жалобы производят на слушателя эффект дуэта «двух слепых» в оперетке этого имени. Обманывая Англию, быть может и бессознательно насчет Индии, эти притеснители обманывают сами себя. Они поступают с туземцами, как с рабами и цепными собаками, и раб прибегает к единственным орудиям раба: ко лжи и хитрости, а собака, лишь только сорвется с цепи, запустит ему зубы в шею. Под этим пагубным влиянием все нравственно хорошее в этом народе: чувство чести, долга к ближнему, благодарности — все, все в нем вымирает и заменяется либо отрицательными качествами, полною апатией, или же самыми низкими пороками. Тридцать лет назад вы могли подойти к

первому встречному меняле (он же банкир), сидящему в своей конуре, и смело оставить у него целый капитал, не взяв у него даже расписки; вы могли уехать после того и, вернувшись через год-другой, потребовать его. И при первом слове банкир-меняла отдал бы вам ваши деньги, будь то хоть миллион*. В те блаженные дни слово индуса было свято и его выгоняли из касты за малейший нечестный поступок. До переворота 1857 года расписки были почти неизвестны в Индии — достаточно было одного свидетеля для какой угодно сделки. А теперь?

Теперь подкупные свидетели расплодилось не сотнями, а тысячами. Индус проведет десять цыган. При старых порядках, заставив туземцев взять в руки коровий хвост и принесть на нем присягу, судья мог ручаться жизнью, что индус не даст на священном хвосте ложного показания; теперь, при новом судопроизводстве, их заставляют безразлично всех принимать присягу на Багават-гите (писание о Кришне), даже и тогда, когда свидетель вовсе не верит в Кришну, поклоняется Шиве или Вишну. «Коровий хвост», изволите видеть, слишком шокировал врожденное в Бритте чувство «эстетики» — так объясняют эту перемену в судопроизводстве англичане. Но не от лишней ли заботы вознаградить Индию в эстетическом и артистическом отношениях так оконфузили ее в нравственном и экономическом?

Вот судите сами. Украсив, например, страну великолепными общественными зданиями, по большей части, тюремными замками и казармами, они дозволили такому памятнику, как двухтысячелетний Сарпаф, построенному еще до Александра Македонского, гнить и разваливаться сколько угодно. Направив свои созидательные силы к сооружению университетов, ратуш, клубов, масонских лож (в европейском вкусе) и повыгнав изо всех этих учреждений, кроме первых, туземцев, они предоставили за то в полное распоряжение последних все сооруженные ими кабаки, для сбыта испорченных отечественных водок, со включением дурмана, именуемого шотландским виски. Они насильно одели всю Индию в манчестерские произведения и разорили тем все бумажные и другие прядильные страны; заставили индусов молиться на богов бирмингабского изделия, резать шефилдскую сталью; научили даже обжираться, напившись водкой, испорченными консервами, сгнивающими здесь в одну неделю, и вследствие этого умирать от холеры сотнями. Какой же им еще эстетики?

Справедливо заметил мне один индус, что европейская цивилизация, к которой туземцы не подготовлены и не способны оценить ее, действует на их страну как роскошное, но ядовитое манценило, пересаженное в цветущий сад: оно губит своими роковыми испарениями все прочие растения. «Неужели это может быть месть? — спрашивал меня, недоумевая, этот молодой студент. — Месть за последний мятеж? Но ведь ни Индия вообще, ни мы, люди последнего поколения, не причастны к преступлению! Так за что же?»

Да простят мне симлинские сановники за невольное подозрение, но в замечании бедного студента есть доля правды. Луи Жакомо это давно подметил. «Англичане перепугались, как никогда еще не пугались до этого времени. Они никогда не простят Индии этого испуга», — говорит он в одной из своих книг. Мщение это, конечно, давно перешло в состояние бессознательности, и они мстят по привычке. Полагать, будто люди, неотъемлемо умные в своей политике, станут делать сознательно все возможное, чтобы губить, а может быть, и потерять Индию, «драгоценный перл в венце императрицы», право, было бы слишком глупо!

* Это мне с горестью рассказывали некоторые прожившие всю жизнь свою в стране англо-индийцы, между прочим, мистер Ю., богатый англичанин, занимавший в продолжение сорока лет самые важные административные должности в стране (*примеч. автора*).

С другой стороны, именно так и поступают: и мне не раз заявляли это в дружеском разговоре англичане, прожившие долгие годы в Индии, знающие страну и ее жителей как свои пять пальцев и отрекшиеся от военной службы вследствие одного отвращения к новой системе.

Несмотря на все старания и улучшения, на учебные фермы и ученых техников, судьба земледельческих классов двух третей народонаселения не улучшается, а с каждым годом ухудшается. Большая часть этих несчастных довольствуется пищей один раз в сутки, и какой пищей! Последний нищий в России отвернулся бы от таких яств; дворовая собака у скряги-жида ест лучше: горсточка полусгнивших круп (рис слишком дорог) или пучок завялых овощей с водой, — вот все — дневная пища кули!..

Бедный, горемычный индус кули! Есть ли в мире существо терпеливее и несчастнее его? Встает он до зари и ложится на мать-сыру-землю пред зарей, работая по шестнадцати часов в сутки за четыре анны*, а не то так и за пинки. И Бога у него нет, потому — некогда, а затем и неоткуда, да и не от кого занять Бога. Брамины отвергают горемыку, как нечистого парию, и веды или из вед молитва ему строго запрещена. Даже падри перестали соблазнять его в христианство с серебряной рупией в сжатом кулаке руки, предлагающей ему крест. Кули примет монету, и только что его окропит святою водой падри, как кули пойдет и, купив коровьего навоза** на приобретенный капитал, вымажется с головы до ног в священном продукте, а затем воссядет идолом пред другими кули, которые станут за него молиться.

Обращение англичан с туземцами высших образованных классов холодно-презрительное, подавляющее, является здесь делом гораздо более серьезным; тем более, что образованные туземцы к этому не привыкли, да его и не было во времена Ост-Индийской компании.

Послушайте, что говорят о чувствах индусов к их правителям «Statesman», откровеннейший из лондонских журналов: «Не финансы Индии, — гласит газета, — причиняют нам главнейшее беспокойство, а положение, до которого доведены массы населения нашим правлением, и безусловная низость нашего поведения в отношении к туземным владельцам. Мы ненавидимы как классами, бывшими до нас влиятельными и могущественными, так и воспитанниками наших же учебных заведений в Индии, школ и коллегий; ненавидимы за наше эгоистическое, полное отчуждение их ото всякого почетного или доходного места в управлении их собственной страны; ненавидимы народными массами за все невыразимые страдания и ту ужасную нищету, в которые ввергло их наше господство над ними; ненавидимы, наконец, принципами за тиранство и угнетение их симлинским Foreign office»***.

Эти слова были перепечатаны всеми туземными газетами и журналами без комментариев.

Так ли было при Ост-Индийской компании, которую выгнали из страны за последний мятеж? Нет, конечно, нет! Со всем ее эгоизмом, вымогательством, жадностью, недобросовестностью, покойная компания умела ладить с туземцами. Она не заставляла их чувствовать ежеминутно превосходство своего рождения. Туземцы сами преклонялись пред превосходством оружия и нравственной силы англичан и уважали их, тогда как теперь они лишь боятся и ненавидят их. В те дни, когда поездка в Индию была кругосветным плаванием, авантюристы, от-

* 10 сантимов (примеч. автора).

** Навоз здесь дорог и продается на вес (примеч. автора).

*** Имеется в виду Иностранный департамент правительства Индии (сост.)

правлявшиеся искать фортуны за морями, делались настоящими англо-индийцами. Многие из них, родясь и умирая в Индии, прожив в ней безвыездно тридцать, сорок лет, не в гордой замкнутости, как делается теперь, а пребывая долгие годы в постоянном обществе туземцев, так, наконец, свыклись с их образом жизни и даже мышления, что знали о нуждах Индии и сочувствовали им не менее самих индусов. В те блаженные дни они не только не презирали их, кичась пред туземцами своею белой кожей, но даже часто вступали в законные браки с туземками. Дрались они с раджамы и законными обладателями земель, которые они у тех отнимали во имя Англии, но с народом ладили и всегда были в дружбе. Но вдруг грянула беда непредвиденная. Удар грома 1857 года поразил страну, и все изменилось! С последними судорогами Дели настал конец и пресловутой Компании. Храбрые авантюристы, но все-же «джентльмены», распорядившиеся до той поры судьбами народов Индии, исчезли в вихре, вырвавшем с корнями как Могульскую империю, так и последнюю независимость сотней раджей. Индия была передана короне, и на место лихих авантюристов были присланы новые люди, и пошли реформы.

Не знаю, выиграла ли эту переменную сама Англия: развивать этот вопрос теперь не приходится, но, если верить не только единодушному показанию туземцев, но и признанию многих англичан, то Индия потеряла много. Какая до того индусам нужда, что безнравственная деятельность таких авантюристов, как Уорен Гастингс с компанией, сделалась впредь в Индии невозможной? Для людей с подобными своебытными, сложившимися веками воззрениями на добровольные взаимные сделки, каковы индусы да и вообще азиаты, правитель восточного пошиба вроде Гастингса, готовый взирать с благосклонностью на всякие преподношения от целой провинции до Гоголевского — «борзыми щенками», несравненно приятнее правителя из породы биконсфильдовских салонных левреток. С первыми можно было и сговориться, и войти в личные сношения и, теряя с одной стороны, выигрывать с другой; а последний, являясь каким-то недоступным светилом, бюрократором и формалистом, смотрит на туземцев как на гадину, до которой не следует дотрагиваться даже в перчатках, а только следует управлять ею, наступив ей крепко каблуком на хвост.

Без сомнения, с новыми порядками, введенными в страну вследствие мятежа, индус стал цивилизованнее. Вместе с прелестью вышеупомянутой европейской эстетики, он познал многое, чего при Компании не ведал, а именно то, что фемида в цивилизованных государствах должна оставаться столь же слепою, как и в не цивилизованных, но зато должна пребывать и неподкупною; но узнал он это лишь на теории, не веря, конечно, в самый принцип, а на практике поверяя часто и противное. Познакомился с утонченными понятиями о гражданских добродетелях, вообще, и о чести джентльмена, в частности, в своих повелителях; а сам лично под постоянным прибоем тяжелых волн английского презрения утратил и последние понятия о собственной чести, как и всякое чувство собственного достоинства.

Выходит, что британское правительство с лучшими намерениями губит Индию. И, по-моему, дело это непоправимое, хотя бы потому уже, что, даже исправив все ошибки последнего двадцатилетия, а особенно за время Дизраэлевского царствования, Англия все-таки не способна ни исправить испорченной в стране нравственности, ни переделать натуру англичан, которые так сильно врезались в вырытую собственным презрением ко всему туземному колею, создали со своей стороны такие крепкие, хоть и искусственные запруды, что не сойтись им с индийцами и в тысячу лет. Скорее воды Темзы сольются с водами Гангеса, чем англичанин в Индии взглянет на индуса, как на равного себе, будь этот индус раз-

махараджей и веди он свой род от дней Адама. Англичане чувствуют положительно непреодолимое отвращение к индусам. Как я заметила выше, это психофизиологический, а не политический вопрос. Кроме нескольких старых, переживших мятеж англо-индийцев, присылаемые сюда из Англии чиновники, если и приезжают в страну без особенно сильных предубеждений, то разом заражаются окружающей их атмосферой, насильно втягиваются в нее и не могут бороться против публичного мнения, выражаемого всею английской колонией. «С волками жить, по волчьи выть» — эта поговорка применяется к английскому гораздо более, нежели к какому бы то ни было другому европейскому обществу. В нем и чихнуть «не по-английски» опасно: тотчас же переглянутся с обычно их миндально-уксусной улыбкой и сделаются еще величественнее, ласковее с чихнувшей личностью и закивают головами, как бы говоря, «бедный иностранец... не привык, не знает еще изящных законов нашего общества!» Одно лишь огромное, невысказанное в другой колонии, жалование и представленные службой в Индии выгоды привлекают сюда чиновников. Но он живет здесь лишь надеждой вернуться домой; считает время трехлетними периодами, от одного отпуска до другого; созидаст себе в стране искусственный английский мирок, и все, что является за пределами этого мира, возбуждает в нем невыразимую гадливость и отвращение.

Описав англичан и их выработанную здесь характеристику, взглянем на туземцев и посмотрим, насколько они заслужили свою лютую судьбу. Выскажу мысль, которая может показаться парадоксальной, хотя оправдывается неопровержимыми фактами. В индусах нет, да и не может быть, того чувства, которое мы, европейцы, привыкли называть патриотизмом, то есть любовью к своему отечеству, в отвлеченном смысле этого слова. Нет той горячей привязанности к учреждениям родины, как целого чувства, электризирующего иногда целую нацию и заставляющего ее подыматься как один человек для прославления или на защиту отечества, нет той отзывчивости на ее горе, как и на радости, на славу, как и на бесчестие ее. А нет в них такого чувства по столь же простой, как и понятной причине. Эта причина очевидный и всем известный факт. Кроме отеческого дома или избушки, где ему случилось увидеть впервые Божий свет, у индуса, говоря вообще, нет другой отчизны. Скажу более: на своих ближайших соседей, через стену родительского двора, туземец уже часто взирает, вследствие священного для него закона, предписанного его религией, не как на соотечественника, а как на чужеземца совсем другой расы, если только эти соседи не одной с ним касты. Это уже подтверждается тем, что, говоря про индуса, живущего, положим, по другую сторону его поля, первый индус отзовется как о беллати (чужеземце), термин презрения, относящийся не к одним европейцам. Таким образом, чуждый чувству патриотизма в случае вторжения или междуусобицы, туземец, невзирая на личную храбрость, заставляющую его защищать родной очаг и семейство до последней капли крови, интересовался, да и теперь интересуется весьма мало судьбой как Индии в ее интегральном значении, так и своего ближнего, если только этот ближний не принадлежит к его касте или даже к тому специальному отделу или подразделению касты, к которому он причислен сам.

Географически страна разделена на бесчисленные раджи и малые государства; этнологически — на две расы: на ариан и семитов, или индусов и могулов, то есть на две главные религии: магометанскую и браминскую. Обе веры находятся между собой в вековой непримиримой вражде, и только присутствие британских войск сдерживает фанатизм обеих рас, которые иначе стали бы резать друг другу горло на каждом религиозном празднике той или другой стороны, а таких праздников несколько десятков в году, как у могулов, так и у ин-

дусов, особенно у последних. Далее, даже магометане в Индии разделены на большое число враждебных друг другу сект, неизвестных среди Турции и Европы. Об индусах и говорить нечего; номинально, все они (около двухсот миллионов) принадлежат к так называемой «вере браминов» и преклоняются пред священным законоведением Ману и Ведами. Но ведь и рыбы, пожирающие друг друга, живут в одной воде. Взгляните в безлунную летнюю ночь на небо с его тысячами звезд, если желаете получить понятие о кастах, суб-кастах, разделах и подразделениях веры браминов. Они и сами говорят, что их священные «Веды — всемирный безбрежный океан, из-под солено-горьких вод коего вытекают тысячи источников чистейшей воды». Понимай так: воды Веды-океана слишком солонаты для обыкновенного желудка, поэтому, чтобы сделать их годными, явились хитрые гидрологи под видом браминов, которые и занялись фильтрацией этих вод, каждый из них комментируя древнее писание по-своему. В результате, с веками оказалось следующее: номинально индусы разделяют свою расу на четыре касты: 1) брамины, или сыны бога Брами; 2) кшатрии, или воины; 3) вайши, или торговцы; и 4) шудры, или чернорабочие, низший класс. Но каждая из этих каст подразделяет себя на суб-касты (от пяти до 13), которые, в свою очередь, распадаются на фракции, коим несть числа. Словом, каждая каста есть гамма тонов, нисходящая от высокой до низкой ноты; только вместо семи в ней «до седмижды семидесяти» тонов. Так, например, в двух главных подразделениях браминов высшей аристократии мы видим, что «панча дравиды» и «панча гинды» (первые — жители южной, а вторые — северной Индии), две суб-касты, не могут ни вступать между собой в брак, ни есть вместе пищу, в которую входит хоть одна капля воды, но обе суб-касты — брамины и всякую другую пищу могут есть в компании! Гуджератский брамин примет воду из рук или из дома маратского брамина, но не станет есть рис, приготовленный последним. Брамин Дешашта имеет право разговаривать с брамином Кархада издали, но если нечаянно перейдет его тень или дотронется до него, то сильно осквернится!

Теперь спрашивается: может ли Индия при такой системе быть не только рассадником патриотизма, как полагают некоторые писатели, но даже породить время от времени патриотов? В ней до 200 миллионов индусов, принадлежащих к одной вере; но как христианская религия не мешает такому же большому числу европейцев воевать и ненавидеть друг друга, так и здесь, в Индии. Есть в ней индусы маратты и индусы пенджабы, бенгальцы и дравиды, гуджараты и раджпуты, кашмирцы, непальцы и проч... — все они индусы. Но воображать вследствие этого, что раджпут считает частью своей родины Даккан или Бенгалию и при случае подымется на ее защиту, так же нелепо, как надеяться, что москвич станет гореть желанием отомстить зулуям, победившим англичан, или взглянет на Испанию как на часть своей родины потому только, что она в Европе!

Англичане дозволяют миру полагать, будто одни они, сравнительно с малым войском, усмирили бунтовщиков в 1857 году, покорили и испепелили Могульскую династию в Дели и окончательно приковали к запяткам Великобритании индийских раджей, как приковывались во времена древности цари-пленники к колесницам победителей. Но не потому ли они и похваляются этими подвигами, что история мятежа еще не была никем другим писана, кроме их самих? Не будучи в состоянии вырвать эту кровавую страницу их летописи покорения Индии, они ее расписывают по-своему. А если представить дело в его настоящем виде, выйдет, что они веками веков не усмирили бы мятежников, не помоги им пенджабы, особенно сикки. Никто не будет столь глупым, чтобы усомниться как в их личной храбрости, так и в превосходстве их военного гения, вооружения и

всего прочего над азиатскими народами, но сила солому ломит, и если во время мятежа они были душой в военных делах, то пенджабы с некоторыми другими, оставшимися верными Англии племенами, были той сильной рукой, которая раздавила одну голову за другой этой многоглавой гидре, собравшейся было позавтракать зазевавшимися бриттами. И МЯТЕЖ ПОГЛОТИЛ БЫ ИХ всех до единого, когда бы не «верные наши пенджабы», как выражаются англичане в свои редкие минуты справедливости к туземцам. А пошел индус на индуса, встал брат на брата, вовсе не из верности, как и не из особой любви к англичанам, а просто, во-первых, из личного мщения сиков к индусам центральной Индии, войска и многие из племен которой помогли их общему врагу покорить Лахор и Пенджаб в 1845—1849 годах, а во-вторых, из вековой ненависти к могоулам.

Тот ошибается, кто полагает, будто англичане завоевали Индию. Они просто пришли и взяли ее, захватывая мало-помалу провинцию за провинцией, одно владение за другим. Они встречали сопротивление в раджах и дрались с отдельными владетелями, но народ всегда оставался безучастным и совершенно равнодушным зрителем борьбы.

Кроме того полного отсутствия патриотизма в индусах, о котором заявлено выше, это равнодушие объясняется следующим малоизвестным фактом. За исключением могольской и немногих чисто индийских династий, все ныне существующие плеяды махараджей и раджей в былые времена не были ни царями, ни даже независимыми владетелями своих территорий. Принадлежа без исключений к касте кшатриев (воинов), они были только вооруженными защитниками народа, обитающего на известном пространстве той или другой территории Индии, и по взаимному соглашению, получая известную с него дань продуктами и деньгами, обязывались защищать его от нападений соседей и вообще блюсти его интересы, управляя им и разбирая его жалобы по законам Ману. Законы последнего были повсеместны в Индии и считались, как считают теперь, чем-то священным и, вследствие этого, непреложным. Поэтому вдоль и поперек Индостана, невзирая на разницу каст и религиозных сект, страна с ее сотнями отдельных радж* управлялась под одним и тем же уложением, священный текст которого служит непреодолимою преградой к какой бы то ни было реформе. С веками свод законов Ману перешел в мертвую букву; страна покрылась тиной, как пруд стоячей воды, заснула старческим сном, пробуждаясь лишь урывками то в одном, то в другом месте, где происходил минутный переполох, причиненный одним из ее многочисленных врагов. Но ни разу, с первых страниц ее истории до последней, не подымалась еще Индия всецело, не стряхивала с себя своей вековой плесени; ни разу не отозвался болью ни один из членов ее в то время, как вторгнувшийся враг увечил другой член. Пришли англичане и предложили себя защитниками вместо раджей; подумал один, поразмыслил другой из народов Индостана, и каждый, в свою очередь, увидя, что пришельцы побивают их прежних хранителей, стало быть, сильнее последних, и предлагают им такую же и еще более верную защиту, да и требуемая дань не показалась им на первых порах столь высокою, и вот стали эти народы один за другим беспрекословно сдаваться... У них и не требовали отречения ни от законов Ману, ни от веры праотцов, и они, ничего не теряя, приобрели, как они думали, условия гораздо более выгодные. Что за дело каждому из них до других, совокупно? Его хата с краю: а тот ли, другой ли беллати им управляет, индусам, кроме браминов, совершенно безразлично...

* Титул «раджа» происходит от слова «радж» — царство или государство. Есть такие, что состоят всего из нескольких десятин (*примеч. автора*).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	
Архивные документы и материалы		
№ 1	1799 г. января 6 — Из журнала лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденного им во время службы на судах английского флота	14
№ 2—15	12 января — 12 марта 1801 г. — Документы об организации военной экспедиции донских казаков в Индию	27
№ 16	1803 г. — Из записки генерал-лейтенанта графа В.А.Зубова «Общее обозрение торговли с Азией» о возможности установления постоянных торговых связей между Россией и Индией	37
№ 17—19	1808—1820 гг. — Из записок Мехти Рафаилова о его путешествиях в Индию	39
№ 20	1795—1827 гг. — Путешествия в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова	43
№ 21	1 декабря 1819 г. — Письмо генерал-майора А.Н.Сеславина начальнику Главного штаба его императорского величества генерал-адъютанту князю П.М.Волконскому о предполагаемом путешествии с целью разведки пути из Индии в Россию через Среднюю Азию	53
№ 22	5 ноября 1824 г. — Письмо председателя Совета Директоров Ост-Индской компании российскому императору Александру I о преподнесении ему книги короля Ауда	58
№ 23	1832 г. — Из путевых записок Аветика Карбеци Цагикяна о его путешествии в Индию	58
№ 24—28	18 января 1838 г. — 7 ноября 1839 г. — Документы о составлении описания Северо-Западной Индии по расспросам иностранцев	68
№ 29—30	24 апреля 1842 г. — 10 августа 1842 г. — Документы о порядке выдачи паспортов индийским парсам, следующим на поклонение в храм в Баку	79
№ 31	13 или 14 января 1843 г. — Письмо князя Алексея Дмитриевича Салтыкова князю Илье Андреевичу Долгорукову о посещении сикхского двора, о переходе через перевал Бореццо и др.	81
№ 32—36	16 февраля 1857 г. — 24 марта 1857 г. — Документы о планах русской военной экспедиции в Индию	87
№ 37—38	21 марта 1857 г. — 1 января 1859 г. — Документы об избрании почетным членом Императорской академии наук первого индийского ученого-санскритолога Радхаканты Раджи Бахадура	103
№ 39—40	26 июля — 1 августа 1857 г. — Документы об индийском Народном восстании 1857—1859 гг.	105
№ 41—43	26 августа 1858 г. — 5 декабря 1860 г. — Документы миссии князя Рао Раджи Тулы Сингха Бахадура с письмами индийских князей русскому царю	121

№ 44	29 августа 1863 г. — Докладная записка генерал-лейтенанта С.А.Хрулева о возможности военной экспедиции в Индию	128
№ 45	Январь 1865 г. — О пребывании индийца Манокджи Курсетджи в России	136
№ 46—48	1865 г. — 23 июля 1867 г. — Документы о миссии правителя княжества Индор к российскому императору с предложением всякой помощи при завоевании Индии	139
№ 49	20 мая 1866 г. — Письмо двух посланцев махараджи Дхамму и Кашмира Рамбир Сингха Александру II с выражением радости по поводу неудавшегося покушения на его жизнь	142
№ 50	11 августа 1869 г. — Докладная записка посла Великобритании в России Э.Бьюкенена статс-секретарю по иностранным делам графу Дж.У.Кларедону о визите в Индию посланника России в Китае А.Е.Влангали	143
№ 51—56	1869—1876 гг. — Документы об организации РОПИТ первых регулярных пароходных рейсов между Россией и Индией	144
№ 57—59	15 мая 1873 г. — 3 января 1875 г. — Документы о проекте Ф.Лессепа о строительстве железной дороги из России в Индию через территорию Средней Азии	155
№ 60—72	6 июня 1873 г. — 6 июля 1879 г. — Документы о путешествии П.И.Пашино по Индии и реакция англо-индийской администрации на его пребывание	165
№ 73—78	8 апреля 1874 г. — 1886 г. — Документы о поездках профессора Санкт-Петербургского университета И.П.Минаева в Индию	181
№ 79—83	5 декабря 1874 г. — 17 апреля 1887 г. — Письма художника В.В.Верещагина о своих путешествиях по Индии	202
№ 84	8 апреля 1878 г. — Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А.Милютина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии на случай войны с Англией	205
№ 85—93	2 октября 1878 г. — 10 июня 1881 г. — Документы о пребывании в России индийца Рамчандра Баладжи, выдававшего себя за племянника Наны Сахиба	209
№ 94—95	Документы о пребывании в России бенгальца Нишиканты Чаттопадхья	219
№ 96—100	1 октября 1879 г. — 9 августа 1888 г. — Документы, связанные с деятельностью Е.П.Блаватской в Индии	221
№ 101	1879 г. — Послание Баба-Рам-Сингха и главы государства сикхов туркестанскому генерал-губернатору	243
№ 102	19 февраля 1880 г. — Письмо генерала Н.Г.Столетова военному министру Д.А.Милютину с отчетом о его поездке в Индию	245
№ 103	7 мая 1880 г. — Из записки великого князя Николая Константиновича министру императорского двора графу А.В.Адлербергу о необходимости постройки среднеазиатской железной дороги	247
№ 104	1881 г. — Отчет подполковника Н.Я.Шнеура о поездке в Индию для сбора сведений о состоянии страны	251
№ 105—111	11 октября 1885 г. — 8 июля 1886 г. — Документы о поездке русских военных на маневры в Индию	256
№ 112—129	22 июня 1886 г. — 25 июня 1889 г. — Документы о пребывании в России последнего правителя Пенджаба Дулипа Сингха	265
№ 130	Февраль 1889 г. — Письмо санскритолога Рамакришны Гопала Бхандаркара неперемному секретарю Императорской академии наук К.С.Веселовскому с благодарностью за избрание его почетным членом Академии	284